

КУРАНТЫ

АВТОПОРТРЕТ

НАТАЛЬЯ МЕДВЕДЕВА
ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ДОМА ТАМ,

“Она здесь больше не живет, — ответил мужской голос, — и где ее искать, я не знаю”. Я похолодел: неужели и с этим развелась?! Сенсация! Но буквально через день Наталья МЕДВЕДЕВА — флюиды, да и только! — позвонила сама. Оказалось, она с ее нынешним другом Сергеем Высококовым по прозвищу Боров, лидером группы “Коррозия металла”, просто переехала на другую квартиру. Естественно, когда через несколько дней мы встретились на предмет интервью, первый вопрос был именно о несостоявшейся сенсации.

— Хватит рекламировать мою личную жизнь! Мы с Лимоновым так еще и не развелись, а нас все уже развели, я еще не вышла замуж, а меня уже поженили, я теперь уже и не Лимонова, а... Борова! Это скучно ужасно, я достаточно самостоятельная персона.

— И тем не менее густая тень Эдуарда Лимонова неотступно следует за вами...

— Я появилась в России во втором своем рождении вместе с ним, поэтому меня так и воспринимают. Он постарше, он преуспел в этой жизни побольше... Я уже сказала: вам, журналистам, свойственно помещать меня в разряд жены, бывшей жены, вы всегда хотите привязать меня к какому-то мужчине, и это говорит о некоем фаллократстве с вашей стороны либо об азиатчине.

— Но вы же сами заявляли: женщина должна следовать мужскому зову, мужской песне...

— Но поет-то она все равно свою собственную!

— Ну что же, тогда о песнях. Вы записали два альбома, и, если побегать по Москве, их можно обнаружить, как, впрочем, и ваши книги, иногда можно попасть на ваши концерты, которые проходят в самых неожиданных местах, но все это, конечно, капля в море, да?

— К сожалению, я наткнулась на большие препятствия. Я не ожидала, что меня все начнут любить и с распростертыми объятиями принимать, но мне казалось, что на фоне сегодняшнего музыкального беспредела должна быть какая-то альтернатива существовать. А здесь просто негде играть живую музыку! В России все смешано. На Западе дискотека — это дискотека, там танцуют, ресторан — это ресторан, там кушают, риапо-бар — это риапо-бар. С одной стороны, может быть, и плохо, что у них все на полочках уложено и правильными ленточками завязано, шагу нельзя ступить за определенные границы. Но в порядке есть смысл. А у нас ресторан — там вам и музыка, и шоу, и жрачка, и бардак!

Я очень мало пою. Совсем не пою! И все наши репетиции сводятся к нулю. Я иногда вспоминаю Лос-Анджелес, где могла петь двадцать четыре часа в сутки, где у меня была потрясающая группа и черт знает что, а я не пела. Или в Париже что-то там такое делала не то. И вот я в Москве... Прихожу на репетицию, а кого-то из музыкантов нет. Сажу и думаю: ну и пошли

они все в задницу!

— Ваш последний альбом “Russian trip. Трибунал Натальи Медведевой” при хорошей раскрутке мог бы стать событием, а так появилось несколько рецензий...

— Рецензии на диск вызвали у меня разочарование своей предвзятостью: люди не особо его слушали, а базировали свое мнение на им же самими созданным представлении обо мне, связанном в первую очередь с Эдуардом Лимоновым. Это же ужас! Вот захотели какие-то люди заняться моей раскруткой. Им все очень нравится, им всем очень интересно, но никоим образом они не видят в этом коммерции! “А кто у вас спо-о-онсор?” Вы меня простите, это от вас должно быть какое-то начальное капиталовложение. Крути по радио все время, вот и будет коммерция... Я серьезно, правдиво собиралась что-то делать, предлагала, а что взамен? А мне фигу показывают!

— Когда в конце восьмидесятых вы впервые появились в Москве после пятнадцатилетней эмиграции, журнал “Огонек” назвал вас “сексуальной диссиденткой”. Вы продолжаете оставаться ею сегодня?

— Тогда разговор шел о моем подростковом периоде, о первой любви, о конфликте подростка с обществом, вообще о настроении 70-х годов. И о моей первой книге “Мама, я жулика люблю”. Поэтому вольное поведение того периода вызвало шок, ужас. А как еще можно было тогда проявить себя?! Даже через секс можно быть противником системы.

— Вы согласны с тем, что искусство — это всегда провокация?

— Провокация не может быть самоцелью. Иначе можно снять штаны и выйти на Садовое кольцо. Ну и что, спровоцируете массу аварий, скандалов — это искусство будет? Нет. Другое дело, что искусство, если оно современно, всегда имеет дело с различными жизненными аспектами и оно, по моим представлениям, должно все эти аспекты оголять, драматизировать, преувеличивать, заострять, выводить на чистую воду, а это всегда будет корробить общество. Общество желает спокойной заводки, чтобы углов не было, не было тревожности, бессонной ночи, чтобы все конфликты были разрешенными.

Я вот только что приехала из Франции, там просто над всеми висит глаз всевидящего, всеблюющего, чтобы никто и ничего не сделал лишнего, не перешибнул за рамки. И никто не знает, кто и зачем эти рамки установил. А их самые активные слои населения устанавливают — журналисты, артисты, политики. Потом сами и страдают.

него своя партия, у меня своя партия. Я вот сейчас зарегистрировала региональный общественный Фонд товарищей Натальи Медведевой. На его основе будет создано общественное движение “РОВ”. Это может быть расшифровано очень многообразно: Роково Ориентированные Взрослые, Роково Ориентированные Взрослые, или Рок, Ориентированный на Взрослых, Рок-Ориентация Взрослых, а может быть и

Прихожу на репетицию, а кого-то из музыкантов нет. Сажу и думаю: ну и пошли они все в задницу!

глядя в зеркало, вы увидите — ВОР, и это опять же вам вполне подходит: Взрослые, Ориентированные Роково.

Мы еще не обсудили детали членства, но в принципе намереваясь заняться поддержкой всевозможных альтернативных течений в искусстве. В широком смысле — в музыке, литературе, живописи и даже в моде, потому что мы живем во времена моды на моду, и этого

подстраиваю что-то в своих книгах, а уж что она делает, о-о-ой...

— В предисловии к своему первому альбому “Кабаре рюс” вы написали: “В память о злочно-роскошных кабаре рюс Парижа и Сингапура, Цюриха и Сент-Моритца, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, где я имела счастье и несчастье петь эти песни”. Почему счастье и несчастье?

— С одной стороны, это, конечно, экзотика — петь на Елисейских полях в “Ше Распутин” и работать там с таким прекрасным, сумасшедшим типом, как Алеша Дмитриевич, а с другой стороны, как и любая работа, это становится рутинной... Я пела для шейхов, нефтяных магнатов, всевозможных мировых знаменитостей...

— Для Евтушенко, например...

— Ну, этот, чего там... Он только мог щелкать пальцами хозяйке ресторана и говорить: “Хэлен! Еще бутылочку “Вдовы Клико”...” И ему подносили. А вообще туда наведывались очень знаменитые люди: Омар Шариф, Фрэнк Синатра... Азнавур, который, извините, в жизни похож... Вот в советские времена были такие будочки, в них обувь ремонтировали, так он вполне бы вписался в эти будочки!

— А в Сингапур-то вас каким ветром занесло?

— Это были гастрольные поездки.

— Вы родились в Ленинграде, жили в Лос-Анджелесе, Риме, Париже, Москве. Где вы чувствуете себя дома?

— Как сказал Роман Полански, там, где я кладу свою шляпу. Ну вот в Москве я чувствую себя сейчас дома, хотя дома у меня

ГДЕ КЛАДЕТ ШЛЯПУ

— Вашу прозу относят к жанру “грязный реализм”, яркие представители которого — Генри Миллер, Чарльз Буковски, Луи-Фердинанд Селин, Жан Жене и Эдуард Лимонов. Ну а в своем музыкальном творчестве вы тоже придерживаетесь этого направления?

— То, что получается у меня, это и творчеством нельзя назвать, в этом во всем много жизни и, осмелюсь сказать, искренности. Жесткой, без обиняков. Может быть, это “грязный реализм”, но мне нравятся такая литература и такая музыка. Она пробивает.

— Известно, что господин Лимонов, когда вы жили в Париже, печатался в газете “Л’Идио Интернациональ”. И этот уникальный “Интернациональный идиот”, по вашей собственной оценке, “считал своим долгом провоцировать и бросать вызов обществу, а не гладить его по головке”. Подобная концепция должна быть очень близка вашему характеру. Вы печатались в этой газете?

— Да, я там опубликовала несколько статей, но не очень хотела влезать в этот печатный орган. Это связано с личными комплексами: что, я должна все время лезть туда, где Лимонов? У

нельзя никак избежать.

— Елена Шапова, бывшая жена Эдуарда Лимонова, говорила, что ее книжку “Ничего, кроме хорошего” собиралось выпустить издательство “Глагол”, но потом зарубило и якобы к этому приложили руку и вы. Это правда?

— Это абсолютнейший вымысел Елены Козловой-Шаповой-Де Карли! И вообще, она слишком много о себе думает! Чтобы я еще занималась тем, чтобы не пропустили ее книжонку вшивую... Я очень низко ценю ее творчество, может, каким-то образом она и могла бы стать, но она все это дело пустила под откос, так как заботилась о своем благосостоянии.

— В одном из ваших произведений я обнаружил пародию на знаменитую нашу писательницу Викторину Токареву — малосимпатичный персонаж по имени Победа Столярова. Чем она вам не угодила?

— Да я о ней очень хорошего мнения, знаю ее лично. Она мне даже призналась, что у нее любовь к какому-то мужчине. Чудесная тетка, именно тетка!

— А Татьяна Толстая?

— А это вообще ужасно! Игра в слова. Игры, игры, игры... Ненавижу все это. Я грешу тем, что

нет до сих пор.

— Москве у вас посвящена одна песня...

— Скорее не Москва, а событиям 93-го года — “Москва 993”. Я наблюдала за ними по телевизору, находясь в городе Париже. И собрала всю свою волю в кулак и писала открытые письма и в Европейский парламент, и к мировой общественности.

— Общественность услышала?

— Да нет. Общественность поджала хвост и была на стороне танков.

— Вы постоянно эпатируете публику. В одном интервью, например, бросили такую фразу: “Мне нравится эстетика фашизма, тоталитаризма вообще. Я без ума от сталинских домов...” А по моим впечатлениям, вы больше похожи на женщину периода декаданса...

— Я люблю декаданс, но в этих высотках наоборот — победа человека над декадансом. Все эти здания, если вы обращали на них внимание — а жители Москвы не обращают на них внимания, — они же все украшены фигурами, в них прославляется человек.

Влад ВАСЮХИН.
Фото М. ГРУШИНА.